

Ещё пару дней назад ярко светило солнце, но с начала этой недели город неожиданно погрузился в бесконечную осеннюю морось. С каждым днём становилось всё холоднее.

Похоже, зима и вправду была не за горами.

— Похоже, и впрямь зима наступает... — со вздохом произнёс Цзян Хэ, глядя в окно.

Пользуясь случаем, он украдкой косился на Шэнь Цзя, который только сегодня вернулся на работу после двухнедельного отпуска.

Шэнь Цзя сидел у окна. Длинные волосы были небрежно собраны на затылке, открывая бледное, белое лицо. Выглядел он нездоровым: под длинными ресницами залегли тёмные, болезненные тени, а под глазами виднелись отчётливые синяки от недосыпа.

Он словно погрузился в собственные мысли и долго не отзывался, оцепенело уставившись в пол.

— Учитель Шэнь? — Цзян Хэ нахмурился и сочувственно протянул руку, чтобы дотронуться до его плеча.

Но едва ладонь коснулась ткани, Цзян Хэ испуганно ослабил хватку.

Свитер висел мешком. На том месте, где раньше было плечо, ладонь провалилась в пустоту — Шэнь Цзя катастрофически исхудал.

— А?.. Что произошло? — Шэнь Цзя с заторможенной реакцией повернул голову, словно только что пришёл в себя.

— Учитель Шэнь, что с вами стряслось? Вы всё ещё болеете? — тихо спросил Цзян Хэ.

Ясные прежде глаза Шэнь Цзя были прорезаны кровавыми прожилками, а губы иссохли и побледнели. Сейчас он выглядел даже хуже, чем в те дни, когда переживал развод.

— Ничего... Всё в порядке...

— Учитель Шэнь! Да что с вами происходит?! — перебил его Цзян Хэ. Он сжал его плечи, пытаясь заставить посмотреть себе в глаза и выговориться, но Шэнь Цзя внезапно с судорожным всхлипом оттолкнул его руку.

Лицо Шэнь Цзя мгновенно покрылось холодным потом. Он схватился за бешено колотящееся сердце — голова пошла кругом, земля уходила из-под ног.

Тревожные возгласы Цзян Хэ быстро удалялись. В голове Шэнь Цзя снова вспыхнули обрывки того разговора с Чжоу Цзыфэем:

«Малыш, да что с тобой происходит?»

«Я никогда не считал тебя обузой».

«Ты мне нравишься. Влюбился с первого же взгляда».

А потом он услышал собственный чужой, смертельно уставший голос:

«Чжоу Цзыфэй, уходи».

Всё, что было дальше, в его воспоминаниях исказилось, потонуло в мутном свете. Всю эту неделю каждый раз, восстанавливая в памяти тот день, Шэнь Цзя заходил слезами.

Воспоминания обугливались, разъедаемые кислотой.

Сначала лицо Чжоу Цзыфэя после его крика: ошеломлённое, бледное, растерянное. Резко очерченные глаза, в которых застыла глубокая боль.

Затем Шэнь Цзя словно со стороны увидел самого себя — холодного, стоящего спиной к Чжоу Цзыфэю и безжалостно произносящего:

«Уходи».

И надрывный, сдавленный шёпот Чжоу Цзыфэя:

«Давай не будем расставаться, а?»

В глазах Шэнь Цзя потемнело, и он рухнул на пол.

«Назад дороги нет. Нельзя жалеть».

Он удалил все контакты Чжоу Цзыфэя, связался с риелтором, расторг договор аренды и перебрался во временно снятую квартиру.

Этот алгоритм действий он усвоил до автоматизма. Но каждый шаг отзывался в груди такой лютой болью, будто из него по кусочку вырывали живую ткань. Всего за одну неделю он превратился в тень.

«Сам виноват. Сам во всём виноват».

«Лучше бы я вообще не соглашался... Лучше бы изо дня в день терпел измены Юй Сянхана. По крайней мере, не было бы так адски больно».

Тыльной стороны ладони касалась чья-то мягкая, тёплая ручка. Доносился едва уловимый молочный запах, а по груди кто-то ритмично, успокаивающе похлопывал.

Ресницы Шэнь Цзя вздрогнули, он медленно разомкнул веки. Первое, что бросилось в глаза — яркие детские рисунки на стене. Он заторможенно моргнул, ещё не до конца осознавая, где находится, как вдруг раздался знакомый звонкий голосок:

— Учитель Шэнь, вы наконец-то проснулись!

К его лицу тут же склонилась круглая рожица. Большие глаза сияли искренней радостью.

— И-и?..

Он не видел Чжоу Цзяи больше двух недель. А когда утром пришёл в садик, ему сказали, что мальчик взял отгул. Шэнь Цзя уже решил, что родные перевели ребёнка в другое учреждение.

— Учитель Шэнь, это мы с учителем Цзян принесли вас на кровать! Учитель Цзян такой недотёпа, даже разуть вас не догадался, пока я ему не напомнил!

Чжоу Цзяи крепко держал Шэнь Цзя за руку и тараторил без остановки, всем своим видом показывая: «Ну скажите, разве я не молодец?».

В детском саду была комната отдыха для воспитателей. Шэнь Цзя сел, оглядевшись, и понял, что лежит на местной кушетке.

Слушая хвастовство малыша, он слегка приподнял руку и погладил его по коротко стриженным волосам:

— Надо же... Спасибо тебе, И-и. Ты у нас настоящий герой.

Голос Шэнь Цзя звучал глухо и слабо. Едва он договорил, как мальчик неожиданно сник и опустил голову.

— Учитель Шэнь, а вы... очень тяжело заболели, да?.. — всхлипнул Чжоу Цзяи.

На светло-жёлтой простыне расплылись тёмные мокрые пятнышки.

— Раньше у вас личико было вот такое, а теперь совсем малюсенькое... Вы заболели и поэтому не приходили в садик? И дома ничего не ели?

Малыш неуклюже показывал пальчиками размер его лица. Глазёнки покраснели, а по пухлым щёчкам потекли слёзы.

У Шэнь Цзя защемило в груди. Сдерживая подступающие слёзы, он ласково провёл костяшкой пальца по мокрой щеке мальчика и шутливо пожурил:

— Кто это тебе сказал, будто учитель Шэнь заболел? Я совершенно здоров!

— А лицо похудело потому, что... учитель Шэнь просто решил немного сбросить вес. Вот щёчки и спали.

— Правда? — недоверчиво переспросил Чжоу Цзяи. — Но моя мама каждый раз говорит, что худеет, а лицо у неё совсем не уменьшается!

— Самая настоящая правда. Учитель Шэнь очень сильный, я даже могу поднять тебя!

Шэнь Цзя обнял Чжоу Цзяи и попытался поднять вверх, но тут же понял, что малыш прибавил в весе — удержать его на руках оказалось не так-то просто.

— И-и, ты, кажется, поправился? — улыбнулся Шэнь Цзя, укрывая забравшегося на кровать мальчугана одеялом. На мгновение его отпустила тяжесть.

— Есть немного... — смущённо пробормотал Чжоу Цзяи, теребя край кофточки. — Но дядя говорит, что хороший аппетит — это к счастью, а быть худым — вредно для здоровья!

Ребёнок ничего не понимал во взрослых отношениях и понятия не имел о разрыве между Чжоу Цзыфэем и Шэнь Цзя. Он просто думал, что дядя освободился от работы и поэтому сидит дома.

Имя Чжоу Цзыфэя отозвалось в сердце Шэнь Цзя резкой, внезапной болью.

«Хороший аппетит — это к счастью, а быть слишком худым — нездорово».

Совсем недавно Чжоу Цзыфэй шептал ему точно такие же слова.

В тот вечер Чжоу Цзыфэй сжимал его талию своими широкими ладонями и, тяжело дыша, произносил сдавленным голосом:

«Малыш, ты слишком худой...»

Шэнь Цзя тогда, находясь в любовном угаре, спросил с влажным, смущённым взглядом:

«А разве... разве плохо быть худым? Тебе... тебе не нравится моя талия?»

«Слишком худым быть вредно. Вот если бы моё сокровище ело побольше...»

«Не буду... Если растолстею, стану уродливым... и ты... ах... ты перестанешь меня любить...»

«Глупости. Хороший аппетит — это счастье. Я буду любить тебя любым. Ну-ка, малыш, открой ротик...»

И прежде чем Шэнь Цзя успел возразить, его губы накрыл жаркий поцелуй.

«Эх, учитель Шэнь... Если бы вы во время еды так же охотно открывали рот, как при поцелуях, у меня бы голова не болела».

Тогда в ушах стоял бархатный, дразнящий шепоток Чжоу Цзыфэя, а сам Шэнь Цзя, вспыхнув до кончиков ушей, прикусывал его за подбородок, умоляя не нести чепухи...

Воспоминания о былой нежности ощущались теперь как далёкое прошлое.

А ведь с момента расставания прошла всего одна неделя...

Неужели и вся оставшаяся жизнь будет тянуться так же бесконечно долго?

— Учитель Шэнь, вы... почему вы плачете?! — испуганно выкрикнул Чжоу Цзяи.

Он вскочил на кровати и принялся торопливо вытирать слёзы с его лица своими крошечными ладошками.

Шэнь Цзя, только что улыбавшийся, вновь погрузился в оцепенение. Его захлестнула ледяная волна одиночества, словно он оказался один посреди бескрайней, выжженной пустыни.

Почему в этом огромном, пустом мире он остался совершенно один на один со своей тоской?

— Учитель Шэнь, не плачьте, не плачьте! Не бойтесь, я с вами! Я самый храбрый, самый сильный принц, я прогоню любых монстров!

— Моя мама очень боится жуков и всегда визжит, а я их прогоняю! Так что... так что я и вам помогу, только не плачьте!

Чжоу Цзяи обнял Шэнь Цзя своими коротенькими ручонками за голову и, неуклюже подражая взрослому, стал гладить его по длинным волосам.

— Малыш, малыш, будь послушным, попей молочка, потянись сладко-сладко и спи до самого утра...

Не зная, что ещё сделать, растерянный мальчуган затянул детскую колыбельную, которой его убаюкивала Чжоу Цзыхуань. Этот чистый, спотыкающийся голосок пробил последнюю защиту Шэнь Цзя — слёзы потекли неудержимым потоком.

Прошлое хлынуло наружу, сжимая сердце в тиски.

Вот Лу Хэ держит его, маленького, за руку и гуляет во дворе... Вот она в больничной палате поздно ночью с улыбкой гладит его по спине, убаюкивая... Вот её глаза, блестящие от слёз в тёмной комнате перед уходом...

Вот Шэнь Цяньлун подхватывает его и сажает к себе на шею... Вот он на день рождения тайком проносит торт и радостно кричит: «С днём рождения, сынок!»... И вот его налитые кровью глаза, когда он тянет к нему руки в том подвале...

Что же ему сделать... Что сделать, чтобы вернуть всё назад, пока катастрофа не случилась?

— Всё из-за меня... Это всё я виноват... — сквозь рыдания бессознательно шептал Шэнь Цзя.

— Учитель Шэнь... — Мальчик умолк.

Сначала он испугался этого внезапного взрыва горя, но теперь в его крошечном сердечке впервые зародилась настоящая, взрослая сострадательная боль.

Словно он увидел птенца, упавшего из гнезда на землю и не способного взлететь.

Словно встретил на дороге замерзающего, умирающего котёнка, который может лишь жалобно пищать.

Чжоу Цзяи прижался к Шэнь Цзя, чьи волосы уже вымокли от слёз, и изо всех сил обнял его:

— Учитель Шэнь, не вините себя! Вы ни в чём не виноваты!

Когда-то Шэнь Цзя говорил Чжоу Цзяи, чтобы тот не корил себя за развод родителей, ведь ребёнок тут ни при чём. И теперь мальчик возвращал ему его же собственные слова.

Ощувив в объятиях мягкое, тёплое тельце, Шэнь Цзя судорожно прижал его к себе. Его пустой, оглушительно одинокий мир отчаянно нуждался в ком-то, кто доказал бы: он не один.

— Вот так, учитель Шэнь, не плачьте. Поплачем — и всё пройдёт. Мы по-прежнему самые хорошие, не надо грустить...

Детская, наивная поддержка, убаюкивающее тепло и запах молока постепенно вернули Шэнь Цзя к реальности.

«Боже, что я делаю?! Как я мог так сорваться и зарыдать прямо перед ребёнком?!»

Острая, ледяная волна стыда обожгла сознание. Рыдания мгновенно пресеклись, будто кто-то невидимый сжал его горло.

Все невыплаканные страдания тяжёлым свинцом опустились на дно души.

Он в ужасе начал собираться с силами, сдерживая рваное дыхание, стиснув зубы, чтобы унять дрожь, и заглушая последние всхлипы в глубине гортани.

— И-и... прости меня. Учитель Шэнь... сильно напугал тебя, да? — с трудом проговорил он.

Он разжал объятия. Голос всё ещё прерывался от сдержанных всхлипов, пряди волос прилипли к бледным щекам, а глаза горели от слёз. Он понимал, насколько жалко выглядит, но первым делом постарался успокоить ребёнка.

— Нет, совсем не напугал! — Чжоу Цзяи покачал головой и заботливо спросил, перестало ли учителю быть грустно.

Шэнь Цзя, едва сдерживая печаль, через силу сжал губы и слабо улыбнулся:

— Перестало. Спасибо тебе, И-и.

— Как хорошо, что дядя всё-таки привёз меня в садик! — радостно воскликнул мальчуган.

— Что?.. — Шэнь Цзя замер.

— Я сегодня вообще не хотел идти в садик, хотел с мамой поехать в другой город за покупками. Но дядя сказал, что учитель Шэнь сегодня придёт, и спросил: я хочу развлекаться или увидеть учителя? Я капельку сомневался, а дядя сам привёз меня сюда и сказал, что если прогуливать садик, то и в школу не возьмут, а когда вырасту — придётся питаться одним холодным ветром...

Заметив, что Шэнь Цзя молчит, Чжоу Цзяи решил, что тот обиделся из-за его сомнений, и уткнулся ему в грудь:

— Ой, да я всегда вас больше всех люблю! Никакие поездки не сравнятся с любимым учителем Шэнь!

Пальцы Шэнь Цзя дрогнули и сжали простыню. Сердце сжалось от противоречивых чувств.

Неужели Чжоу Цзыфэй знал, как ему тяжело? Знал, что ему нужна хоть какая-то опора? Знал, что рядом с Чжоу Цзяи ему станет хоть немного легче?

Неужели... он всё понимал?

Шэнь Цзя всей душой надеялся, что тот действовал наугад. Он просто не мог позволить себе принимать подобную заботу.

Но пальцы бессильно разжались, не в силах удержать ни ткань простыни, ни вспыхнувшую тоску по Чжоу Цзыфэю.

— Учитель Шэнь, вы очнулись! — В дверях показался Цзян Хэ с бумажным стаканчиком в руках.

— Врач сказала, у вас упал сахар в крови. Я так и подумал! Но испугался страшно. А тут ещё маленький Цзяи стоял в коридоре — когда увидел вас на полу, решил, будто это я вас обидел!

Цзян Хэ улыбнулся, присел на край кушетки и протянул стакан:

— Вот, выпейте сладкой воды, станет лучше.

Шэнь Цзя сделал несколько глубоких вдохов, умиряя чувства, принял стакан и пригубил несколько глотков, но из-за тошноты поставил обратно.

— Вы так внезапно упали в обморок, мы все переполошились! Учитель Ли бросила урок на середине и хотела помочь донести вас сюда, еле отговорил.

Учитель Ли была беременна, и Цзян Хэ, конечно, не мог позволить ей поднимать тяжести. Хотя Шэнь Цзя оказался настолько невесомым, что Цзян Хэ едва верил, что держит на руках взрослого мужчину.

Шэнь Цзя почувствовал неловкость:

— С Учителем Ли всё в порядке? Ей не стало плохо?

— Всё хорошо, она не перепугалась, — Цзян Хэ вздохнул. — Учитель Шэнь, вам бы о себе подумать! Дети плакали, звали вас, а вы не откликались. А Цзяи рыдал громче всех, потом так вцепился мне в штаны, требуя пустить его в комнату отдыха, что чуть с меня их не сорвал!

— Вовсе и не сорвал... — буркнул Чжоу Цзяи рядом.

Шэнь Цзя сжал ручонку мальчика. Этот ребёнок искренне, всем сердцем переживал за него.

Заметив смущение и вину на лице коллеги, Цзян Хэ понял, что взболтнул лишнего, и хотел исправиться, но дверь снова открылась.

— Учитель Шэнь, вам лучше? — донёсся немного строгий голос Учителя Ли, тут же потонувший в детском гомоне.

— Учитель Шэнь! Вы в порядке?!

— А почему вы упали?

— Учитель Шэнь, не умирайте!..

На последней фразе Чжоу Цзяи соскочил с кровати и торопливо зажал рот мальчику-всезнайке:

— Тьфу-тьфу! Чего мелешь?! Учитель Шэнь просто съел мало конфет, вот и упал, никто не умирает!

Он не запомнил слово «гипогликемия», уловив лишь суть: если есть мало сладкого, потеряешь сознание.

Шэнь Цзя тишину прорезал лёгким, тихим смешком.

Все замерли, уставившись на него. Шэнь Цзя сидел на кушетке с распущенными длинными волосами, его глаза и губы изогнулись в нежной, чистой улыбке.

— Учитель Шэнь так похож на Рапунцель... — тихо прошептал кто-то из малышей, и напряжение окончательно рассеялось.

— Учитель Шэнь, как вы себя чувствуете? Может, стоит пойти домой и отдохнуть? — предложила Учитель Чэнь из старшей группы, а Учитель Ли кивком поддержала её.

Шэнь Цзя стал заверять их, что чувствует себя гораздо лучше.

Услышав это, дети мгновенно забыли про данное за обедом обещание не беспокоить воспитателя и наперебой карабкались на кушетку, чтобы устроиться рядом.

— Эй, вы что удумали! — строгим тоном попыталась остановить их Учитель Ли, но Шэнь Цзя со смехом перебил её:

— Ничего страшного, Учитель Ли. Пусть поспят со мной, как раз время тишины подходит.

Малыши радостно загомонили, и Учитель Ли лишь со вздохом уступила.

Цзян Хэ молча наблюдал за Шэнь Цзя. Он заметил, как напряжение выходило из его тела, а губы тронула искренняя улыбка. Напомнив детям вести себя тихо, коллеги ушли.

Комната снова погрузилась в тишину, но в душе Шэнь Цзя остался тёплый свет. Поправив одеяльце на сопящих малышах, он посмотрел на замявшегося у двери Цзян Хэ:

— Что-то ещё?

Тепло детских тел слегка согрело его, и бледные, словно фарфоровые, щёки тронул едва заметный румянец.

Цзян Хэ подошёл ближе, присел на край, мягко коснулся ладони Шэнь Цзя и тут же отстранился, сохраняя уважительную дистанцию:

— Учитель Шэнь, что бы ни случилось... помните, что у вас есть друзья. И есть целая орава малышей, которые вас безумно любят. Хорошо?

Шэнь Цзя всегда считал Цзян Хэ просто хорошим коллегой. Но именно этот человек уже во второй раз — как и в период его развода — спас его своей искренней добротой, удержав тонкую нить, связывавшую Шэнь Цзя с этим миром.

Коллеги, дети, знакомые — все они простыми словами и мелкими проявлениями заботы постепенно возвращали его к жизни.

Шэнь Цзя почувствовал: он сможет выстоять. Возможно, завтрашний день не будет казаться непрерывной пыткой.

— Спасибо. Я буду помнить, — улыбнулся он на фоне ярких рисунков на стене.

Цзян Хэ облегчённо вздохнул. Он догадывался, что произошло в личной жизни Шэнь Цзя, но на этот раз не испытывал ревности. Он просто радовался, что тот снова оживает.

Взаимоотношения людей меняются. Раньше Цзян Хэ жалел, что не сделал шаг навстречу, но теперь был рад быть ему просто верным другом. И верил: такой замечательный человек, как Шэнь Цзя, обязательно обретёт счастье.

К концу дня вокруг Шэнь Цзя снова собралась гурьба воспитанников. Дети цеплялись за край его фартука, боясь, что завтра он снова пропадёт:

— Учитель Шэнь, вы ведь будете приходить каждый день?

— А я вам печенку приберёг! Мне И-и сказал, что вам грустно. Вы ведь придёте завтра?

— А можно вечером вам позвонить? Спойте мне песенку...

Шэнь Цзя, к которому вернулись краски жизни, присел к ним и пообещал каждому:

— Приду. Обязательно приду и завтра, и послезавтра.

Цзян Хэ, наблюдавший со стороны, тепло улыбнулся. Но повернув голову к воротам, снова заметил знакомую машину. С прошлой недели этот автомобиль регулярно появлялся у детского сада перед открытием и закрытием, с глухо затонированными стёклами.

Раньше Цзян Хэ говорил об этом заведующей, но та лишь уклончиво ответила, что всё под контролем и водитель кого-то ждёт.

На этот раз дверь авто открылась, и наружу вышел мужчина с ярко-красными волосами.

Цзян Хэ припомнил, что это родственник Чжоу Цзяи. Он редко забирал мальчика вовремя, и Шэнь Цзя часто приходилось задерживаться после смены. Почему прошлые дни ребёнка увозила другая машина, а сегодня явился он лично?

Впрочем, увидав, как Чжоу Цзяи с радостным криком побежал к нему, Цзян Хэ выбросил эти

МЫСЛИ ИЗ ГОЛОВЫ.

В салоне машины.

— Как сегодня учитель Шэнь? Были изменения?

— Учитель Шэнь сегодня в обморок упал! Я так перепугался!

Чжоу Цзыфэй нахмурился и нервно застучал пальцами по рулю:

— А потом?

— А потом... потом он обнял меня и заплакал. Говорил, что сам во всём виноват. Но я его успокоил! Дядя, скажи, я ведь молодец?

Чжоу Цзыфэй погрузился в глубокое молчание. Понурое лицо скрывала тень, не позволяя разглядеть выражение глаз.

— Дядя! Дядя! — Мальчик с заднего сиденья забарабанил по спинке кресла.

— Цзяи, сейчас я отвезу тебя к дяде Юй, он доставит тебя домой, — раздался глухой голос Чжоу Цзыфэя.

— Ну почему-у-у?! Он меня и так всё время в садик возит, ты опять меня сбрасываешь!

Чжоу Цзыфэй завёл двигатель. В его голове осталась лишь одна всепоглощающая мысль — найти Шэнь Цзя.

— Ты хочешь себе тётю? Если хочешь, слушайся дядю.

— Хочу! Хочу добрую тётю!

Машина устремилась прочь, к горизонту, где пылал алый, словно свежая кровь, закат.

Знать бы Чжоу Цзыфэю, что произойдёт всего через несколько часов, он бы забрал мальчика с собой к Шэнь Цзя.

Если на этот раз удача отвернётся от них, он узнает, что такое настоящий, леденящий душу ужас от потери Шэнь Цзя.

Но у истории нет наклонений.

И пока Чжоу Цзыфэй вёз племянника, его сжигала лишь глухая, неясная тревога.

<http://bllate.org/book/19971/1986002>